

ВЕРСИИ

Виктор КИРИЛЛОВ

ЕРК. ВЕРСИИ МИФА

Александр II не единожды сталкивался с индивидуальным террором против своей персоны. Начало ему положило покушение Дмитрия Каракозова 4 апреля 1866 года. В 1860-е годы устойчивой революционной традиции в России ещё не сложилось, а подполье было малочисленным и плохо организованным. При этом популярность антиправительственных идей, нигилизма, социализма, запрещённой литературы и прокламаций значительно возросла в сравнении с николаевским правлением. Исследователи отмечают, что для части молодёжи это было привлекательной модой¹. В этой среде, желавшей деятельности, имели место разного рода авантюры и мистификации. Попробуем реконструировать историю одной из таких мистификаций, повлиявших на решение несостоявшегося цареубийцы Каракозова.

После покушения были арестованы и Каракозов, и его товарищи по московскому революционному кружку во главе с двоюродным братом покушавшегося Николаем Ишутином. От участников кружка власти узнали о существовании некоего Европейского революционного комитета (ЕРК). По словам арестованных, известие об этом комитете передал им Ишутин со слов их петербургского знакомого Ивана Худякова, бывшего с августа по ноябрь 1865 года за границей и встречавшегося там с русскими эмигрантами². После возвращения в Россию Худяков рассказал Ишутину о комитете, который «помогает революционным движениям во всех государствах» и включает в себя русских, французов, англичан, «потому-то и называется он Европейским комитетом»³. Следствие восприняло эти сведения всерьёз: в обвинительной речи на процессе каракозовцев министр юстиции Д. Н. Замятин пришёл к выводу, что ЕРК был образован в начале 1865-го «представителями крайних революционных стремлений в Европе» с целью «содействовать успехам революции во всех странах систематическим убийством царствующих особ и высокопоставленных правительственные лиц»⁴.

Показания ишутинцев о ЕРК обрывочны, путаны и бессистемны. Сам Худяков ни на следствии, ни в суде, ни в

М. А. Бакунин.
В 2014 г. «великому бунтарю» исполняется 200 лет.

своих воспоминаниях, написанных в ссылке, не признался в знакомстве с русскими эмигрантами и в знании о существовании ЕРК. Ишутин, ссылаясь на Худякова, говорил, что комитет может доставить в Россию оружие, а также «грешмучую ртуть и орсиньевские бомбы» (по имени итальянца Ф. Орсини, в 1858 году бросившего бомбу в карету Наполеона III). По словам Ишутина, Худяков упоминал о своей связи с комитетом, один из членов которого должен был приехать в Петербург⁵.

От Ишутина участники его кружка узнали, что целями ЕРК были террор и цареубийства (по словам Н. П. Страндена, «на всём земном шаре»); его съезды «бывают в Женеве» (М. Н. Загибалов в связи с ЕРК упоминал о некоем планируемом съезде европейских революционеров в Буковине с участием Герцена, Огарёва и Мадзини); в случае успеха революции в России комитет смог бы

снабдить русских 10 тысячами рублей и оружием; также ЕРК собирался «переводить, писать и печатать разные социальные книги с тем, чтобы пересыпать их в Россию»⁶. Как говорил Худяков, за границей «делаются взрывательные бомбы, которые могут взрывать вагоны на железной дороге и пароходы на морях, и прямое назначение которых в истреблении царских фамилий». Странден слышал это во время разговора Ишутина с Худяковым, проходившего, однако, в шутливом тоне — разговор «был прерываем с обеих сторон частым смехом»⁷. Главный подследственный Каракозов также слышал о ЕРК от Худякова; кроме этого, Худяков при нём называл членом комитета и себя⁸.

Что же скрывалось за ЕРК? М. М. Клевенский подчёркивал, что рассуждения о комитете не только явились «отправной точкой» для попытки ишутинцев организовать особый кружок «Ад», но и

подтолкнули Каракозова к осуществлению покушения на царя⁹.

А. А. Шилов и Клевенский считали, что под ЕРК подразумевался I Интернационал Маркса и Энгельса (1846–1876)¹⁰. Причины, по которым сведения о нём попали в Россию в таком «странным и извращённом виде», Клевенский видел в «мистификаторской тактике» Ишутина, имевшей целью «поднять революционное настроение молодёжи»¹¹. Впоследствии эту гипотезу поддержали Б. П. Козьмин, В. Г. Базанов и другие историки¹².

Склонность Ишутина к преувеличению и выдумкам не подлежит сомнению, и, вероятно, в дошедших до нас сведениях о ЕРК есть его авторский элемент. По свидетельствам участников кружка О. В. Малинина и Д. Л. Иванова, Ишутин и не в контексте разговоров о ЕРК упоминал Орсини, считая, что его поступок — «вещь очень хорошая»¹³. Однако мнение, что Худяков передал реальные сведения, а переинчил их только Ишутин, не учитывало агентурные записки чиновника А. Л. Трохимовича¹⁴, подосланного III отделению в 1867–1868 годах к находящемуся в ссылке Худякову. Трохимовичу удалось войти в доверие к революционеру, и тот рассказал ему, что виделся за границей с Герценом и членами ЕРК. Также Худяков, комментируя покушение Березовского на Александра II, предположил, что оно связано с комитетом¹⁵. Очевидно, что Худяков искренно верил в существование ЕРК, хоть и не раскрыл Трохимовичу никаких подробностей.

По мнению Э. С. Виленской, I Интернационал вряд ли мог показаться Худякову тайной и законспирированной организацией¹⁶. Она связывала ЕРК с идеями Михаила Бакунина, разрабатывавшего в 1860-е годы проекты тайных международных организаций, которые он нередко противопоставлял Интернационалу («Альянс», «Интернациональное братство»)¹⁷. Тот факт, что Худяков описал бакунинскую организацию в масштабах, каких она не имела, объясняется умением Бакунина «внушать представление о крупном размахе своей деятельности и планов»¹⁸. В отечественной историографии версия Виленской признаётся до сих пор¹⁹.

Отметим слабые стороны этой гипотезы. Нет данных, позволяющих утверждать, что Худяков мог контактировать с Бакуниным и узнать от него о его «Братстве». Близкий Худякову И. В. Веденников лишь вспоминал его слова о том, что «Бакунин живёт в Италии, занимаясь там живописью»²⁰. Действительно, с января 1864 по сентябрь 1867 года Бакунин жил в Италии и участия в деятель-

ности русских эмигрантов в Швейцарии не принимал²¹. Фактов же о поездке Худякова в Италию нет. Ишутин рассказывал следствию о встрече Худякова с Герценом и Огарёвым и добавлял, что про Бакунина Худяков ничего не говорил²²; если бы Ишутин скрывал связи Худякова с Бакуниным, он не упомянул бы и о ЕРК. Конечно, эти показания — не самый надёжный источник, однако вряд ли можно предполагать скрытие возможных связей с Бакуниным на фоне откровенных упоминаний о встречах с другими, не менее преступными в глазах властей, эмигрантами.

Может, Худяков узнал о тайной организации Бакунина от других людей? Виленская считала, что такими людьми могли быть осевшие в Швейцарии эмигранты Михаил Элпидин или Николай Утин²³. Тесные контакты Элпидина и Худякова подтверждаются фактами²⁴. Герман Лопатин, публикуя в 1876 году в газете «Вперёд!» свои воспоминания о Худякове, отметил, что гораздо ближе его знали ишутинец В. Н. Черкезов и Элпидин²⁵.

Однако близкий Худякову Элпидин не был столь близок Бакунину. Заметим, что последний, будучи в 1863 году арестован по делу о «Казанском заговоре», бежал из тюрьмы в июле 1865-го²⁶. К моменту встречи с Худяковым осенью этого же года Элпидин не успел бы не только познакомиться, но и, скорее всего, даже вступить в переписку с Бакуниным! Все известные факты говорят о том, что сближение «великого бунтаря» с кругом «молодой эмиграции» произошло после его приезда в Швейцарию, в 1867–1868 годах — именно тогда Бакунин и Элпидин предприняли издание журнала «Народное дело», Элпидин предлагал кандидатуру Бакунина в члены Женевской секции Интернационала²⁷.

Утин, встречавшийся с Бакуниным во второй половине 1863 года в Лондоне, также не мог быть связующим звеном в передаче сведений о «Братстве». Бакунин писал, что в эту встречу Утин ему «совсем не понравился. Он мне показался очень тщеславным, большим фразером и всё»²⁸. Свидетельства о том, что о бакунинских конспирациях знали «несколько русских» до его переезда в Швейцарию²⁹, могут относиться не к Элпидину или Утину, а к князю Оболенскому или Г. Н. Вырубову, о посвящении которых в тайные планы Бакунина достоверно известно³⁰.

Наконец, эмигрант Н. Я. Николадзе, видевшийся в 1865 году в Женеве с Худяковым, в 1920-е годы на прямой вопрос историка Б. И. Николаевского о том, мог ли Бакунин встречаться с Худяковым,

отвечал: «Худяков с Палашковским³¹ ни разу Бакунина не встречали. За время их жизни в Женеве он находился в Италии, либо в Итальянской Швейцарии, в Лугано. Кроме того, Герцен описывал нам Бакунина в таких красках, что мы [группа эмигрантов, включавшая Элпидина, с которыми и общался Худяков — В. К.] вообще предпочитали не встречаться с ним и не сходиться не только с ним, но и с его близкими»³².

Слабость всех вышеперечисленных допущений вынуждает иначе взглянуть на проблему происхождения мифа о ЕРК. Историки, как правило, искали реально существовавшую организацию и затем строили предположения о путях и метаморфозах сведений о ней. Однако молодые революционные группы в России могли легко довериться авантюрным идеям и мифическим рассказам; этим доверием смог впоследствии воспользоваться Сергей Нечаев, без особого труда убедивший молодёжь в существовании масштабной революционной организации в Европе.

Важнее понять, не что подразумевалось под рассказами о ЕРК, а кто распространял эти рассказы. Однозначно ответить на этот вопрос нельзя, но самым вероятным источником мифа представляется Михаил Константинович Элпидин (1835–1908). Обратим внимание на сведения, касающиеся его деятельности, почерпнутые из других источников. В 1868 году за связи со швейцарской колонией русских эмигрантов в России был арестован череповецкий мещанин И. Г. Розанов³³. Следствию он рассказал, что в Женеве узнал от Элпидина о масштабном «заговоре злонамеренных лиц против свободы, а может быть, и жизни одного из членов российского императорского дома»³⁴. Согласно его показаниям, в Петербурге, Москве, Казани и других городах на тот момент существовало широкое революционное подполье с четкой иерархией: главные деятели (руководители, которых лично знал Элпидин) и второстепенные исполнители. В ближайшее время участники подполья должны составить комитет из главных деятелей, который выработал бы чёткий план действий по похищению кого-либо из представителей императорского дома и выдвижению требований освободить Чернышевского и провести ряд реформ. Нарушение установленных комитетом правил, а тем более измена должны караться смертью. Ни одного из участников заговора Розанов не видел и более ничего о них не знал. Элпидин, по его словам, взял с Розанова его возможные адреса в Петербурге для передачи в комитет, чтобы те нашли череповецкого мещанина в

столице и поручили ему задание³⁵. Козьмин, исследовавший дело Розанова, считал, что автором этой истории, отдающей «фантазией бульварного романа», мог быть сам Элпидин, «склонность которого к фантазёрству хорошо известна»³⁶.

Одним словом, речь шла об уже существовавшем заговоре в лице комитета, охватывавшем большую территорию, имевшем целью террор в отношении императорского дома, готовом вскоре выйти на связь в Петербурге, склонном к тотальному подчинению собственных членов, разделению на главных и второстепенных деятелей... Если сопоставлять сведения о ЕРК, а также радикальные идеи Иштутина с рассказом, переданным Розановым, то можно найти не только сходные черты и описания, но и общий дух, атмосферу «бульварного романа» и фантастических замыслов.

Это сопоставление представляется более продуктивным, чем сравнение ЕРК с бакунинскими замыслами. Несмотря на схожую идею создания тайной международной организации, целью Бакунина был не террор против правительства, а разрушение всего существующего порядка; Михаил Александрович мечтал о создании «подлинно священного Союза свободы против Священного союза всех тираний в Европе: религиозных, политических, бюрократических и финансовых». Таким же не похожим на мысли ЕРК и «Ада» о тотальном терроре был и пафос Бакунина. В 1864 году он писал: «Против этой человеконенавистнической и божественной власти [современных церкви и государства — В. К.] мы выдвигаем великий революци-

онный принцип свободы, достоинства и прав человека». Революция, по мнению Бакунина, «может совершиться самым мирным путём, поскольку насилие связано с обстоятельствами, в которых проходит революция». Членов будущей тайной организации Бакунин предлагал сплачивать не страхом насилия, а принципом свободы, который даст людям «силы бороться с трудностями, препятствиями и повседневным отвращением, воодушевит их пожертвовать своим честолюбием и личными интересами»³⁷. Заметим, что речь идёт о взглядах Бакунина в середине 1860-х годов. Более поздний период, характерный сотрудничеством с Нечаевым, рассматривать неуместно, ибо он не мог повлиять на возникновение мифа о ЕРК.

Рассмотрим и другие факты. Вскоре после покушения Каракозова за границей появились две прокламации, написанные от имени лондонского и московского комитетов Космопоэтического общества стражей истинных знаний. Авторы прокламаций «с величим изумлением, ужасом, сожалением, горем, негодованием и презрением» отреагировали на статью Герцена «Иркутск и Петербург», в которой Каракозов был назван сумасшедшим и фанатиком. «Познания, восстание и революция — всё это в настоящее время находится в руках монархов, и поэтому, пока монархи живы, это не больше, чем тщетные мечты этих авторов [таких, как Герцен — В. К.]»³⁸, — говорилось в одной из прокламаций, оправдывавшей и восхвалявшей покушение 4 апреля. Как считал Козьмин, «эти прокламации

вышли из каких-то религиозно настроенных кругов польской эмиграции, но есть основания предполагать, что некоторое отношение к ним имел и Элпидин»³⁹. К сожалению, историк не уточнил, на чём основано это предположение, но с учётом неплохих отношений Элпидина с кругами польской эмиграции⁴⁰ оно выглядит правдоподобным. И вновь Элпидин оказывается причастным к идеям тайных комитетов, преследующих радикально-мистические революционные цели. Так что, если отправной точкой для фантазий Элпидина и были сведения об Интернационале или о конспирациях Бакунина, их реальное значение вряд ли им учитывалось.

Мы рассмотрели гипотезу, согласно которой основным содержанием мифа о ЕРК были фантазии Михаила Элпидина. Стремясь произвести впечатление на Ивана Худякова или же просто играя с гостем из России, Элпидин убедил его в реальности существования ЕРК. Доверие Худякова к этому рассказу могло укрепиться и из-за его критического отношения к Герцену, по контрасту с которым молодой эмигрант Элпидин выглядел более искренним и убедительным. Это лишь предположение, но оно укладывается в атмосферу несерьёзных игр и мистификаций революционного сообщества 1860-х годов, приводивших, однако, и к реальным последствиям. Именно недолговечный миф о ЕРК подтолкнул Николая Иштутина к более активному обсуждению своих радикальных идей и укрепил решимость Дмитрия Каракозова совершить покушение на Александра II.

Примечания

1. См., например: Краснов Г. В., Викторович В. А. Нигилист на рубеже 60-х годов как социальный и литературный тип//Революционная ситуация в России в середине XIX века: деятели и историки. Сб. IX. М. 1986. С. 22–23.
2. См., напр.: Виленская Э. С. Худяков. М. 1969. С. 87, 95–96.
3. Покушение Каракозова.
- Стенографический отчёт по делу Д. Каракозова, И. Худякова, Н. Иштутина и др. Т. 1. М. 1928. С. 52.
4. Покушение Каракозова. Т. 2. М.; Л. 1930. С. 272.
5. ГАРФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 12. Л. 155; Там же. Д. 14. Л. 412–412 об.; Клевенский М. М. «Европейский Революционный комитет» в деле Каракозова//Революционное движение 1860-х годов. М. 1932. С. 156.
6. ГАРФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 12. Л. 123 об., 152, 413 об.; Д. 13. Л. 114; Д. 14. Л. 281, 342, 389 об.
7. Там же. Д. 14. Л. 342, 343.
8. Там же. Д. 13. Л. 396; Д. 16. Л. 202 об.
9. Клевенский М. М. «Европейский Революционный комитет»... С. 148–149, 151.
10. Шилов А. А. Каракозов и покушение 4 апреля 1866 года. Пг. 1919. С. 32; Клевенский М. М. И. А. Худяков. Революционер и учёный. М. 1929. С. 86.
11. См. подробнее: Клевенский М. М. «Европейский Революционный комитет»... С. 147–167.
12. Козьмин Б. П. Революционное подполье в эпоху «белого террора». М. 1929. С. 119; Базанов В. И. А. Худяков и покушение Каракозова//Русская литература. 1962. № 4. С. 161; Хейфец М. Выстрел из «Ада»//Знание — сила. 1966. № 6. С. 61.
13. Покушение Каракозова. Т. 2. С. 38.
14. См.: Троев П. С. Иштины в якутской ссылке. Якутск. 1989. С. 11, 17–18, 142.
15. Базанов В. Указ. соч. С. 151, 155.
16. Виленская Э. С. Революционное подполье в России (60-е годы XIX в.). М. 1965. С. 380.
17. Подробнее см.: Там же. С. 381–386.
18. Там же. С. 386.
19. См.: Исаков В. А. Концепция заговора в радикальной социалистической оппозиции. Вторая половина 1840-х — первая половина 1880-х годов. М. 2004. С. 150; Щербакова Е. И. «Отщепенцы». Путь к терроризму (60–80-е годы XIX века). М. 2008. С. 75.
20. ГАРФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 13. Л. 88, 93 об.; Д. 16. Л. 226.
21. Стеклов Ю. М. Михаил Александрович Бакунин. Его жизнь и деятельность. Т. 2. М.; Л. 1927. С. 284, 288, 353.
22. ГАРФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 13. Л. 229.
23. Виленская Э. С. Революционное подполье... С. 386; Она же. Худяков. С. 100.
24. ГАРФ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 14. Л. 373 об.
25. Лопатин Г. А. Воспоминания об И. А. Худякове//Герман Александрович Лопатин (1845–1918). Автобиография. Показания и письма. Статьи и стихотворения. Библиография. Пг. 1922. С. 142.
26. Деятели революционного движения в России: Библиографический словарь. От предшественников дебакристов до падения царизма. Т. 1. Ч. 2. М. 1928. Стлб. 481–482.
27. Пинаев М. Т. М. К. Элпидин — революционер, издатель и пропагандист наследия Н. Г. Чернышевского//Некоторые вопросы русской литературы. Учёные записки Волгоградского государственного педагогического института им. А. С. Серапионовича. Вып. 21. Волгоград. 1967. С. 20–21, 38; Рудницкая Е. Л. Русская революционная мысль: Демократическая печать, 1864–1873. М. 1984. С. 128.
28. Бакунин М. А. Избр. соч. Т. 5. Пг.; М. 1921. С. 140.
29. Об этом Бакунин упоминал в письме Герцену и Огарёву в 1866 г. (Стеклов Ю. М. Указ. соч. Т. 2. С. 329) и в разговоре с З. Ралли (Ралли З. К. Из моих воспоминаний о М. А. Бакунине//О минувшем. СПб. 1909. С. 310–311).
30. Е. И. Щербакова предположила, что в числе «нескольких русских» мог быть и Худяков (Щербакова Е. И. Указ. соч. С. 76), но он, как объяснено выше, ещё менее вероятная кандидатура, чем Элпидин.
31. С. Е. Палашковский — деятель петербургского революционного подполья, в 1865 г. ездивший в Швейцарию вместе с Худяковым.
32. Из переписки Н. Я. Николадзе с русскими и зарубежными литературно-общественными деятелями. Тбилиси. 1980. С. 250.
33. См. подробнее: Козьмин Б. П. Революционное подполье... С. 57–85.
34. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 153 (3 эксл., 1868 г.). Д. 161. Ч. 1. Л. 23.
35. Там же. Л. 25 об.–26; Ф. 95. Оп. 1. Д. 424. Л. 43 об.
36. Козьмин Б. П. Революционное подполье... С. 61, 144.
37. Рудницкая Е. Л., Дьяков В. А. Возникновение Тайного интернационала Бакунина//Новая и новейшая история. 1971. № 6. С. 122.
38. Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем. Т. 18. Пг. 1920. С. 383, 385.
39. Козьмин Б. П. Герцен, Огарёв и «молодая эмиграция»//Козьмин Б. П. Из истории революционной мысли в России. М. 1961. С. 540.
40. Например, когда Элпидин в эти годы пытался получить швейцарское гражданство, в качестве свидетелей он привёл в женевскую ратушу семь польских эмигрантов, которые заявили, что Элпидин тоже поляк. См.: Козьмин Б. П. Революционное подполье... С. 74.